

H. Forster

Драматические отрывки и отдельные сцены

Николай Гоголь

Отрывок

«Public Domain»

Гоголь Н. В.

Отрывок / Н. В. Гоголь — «Public Domain», — (Драматические отрывки и отдельные сцены)

Сцена представляет собой переработку одной из сцен «Владимира 3-ей степени». Переработка начата в 1840 г. и закончена в 1842 г., позднее остальных сцен. Напечатан «Отрывок» впервые в издании сочинений Гоголя 1842 г. Первоначально сцена называлась «Сцены из светской жизни»: название это Гоголь переименовал по совету Прокоповича. Мария Александровна из «Отрывка» (в рукописи – Мария Петровна) является сестрой Ивана Петровича Барсукова, героя неосуществленной комедии, выведенного в «Утре делового человека».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Николай Васильевич Гоголь

Отрывок

Комната в доме Марьи Александровны.

I

Марья Александровна, пожилых лет дама, и Михал Андреевич, ее сын.

Марья Александровна. Слушай, Миша, я давно хотела с тобою переговорить: тебе должно переменить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты должен служить в военной.

Миша (вытаращив глаза). В военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что вы, маменька? в военной?

Марья Александровна. Ну, что ж ты так изумился?

Миша. Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?

Марья Александровна. Ну да, послужишь год юнкером, а потом произведут в офицеры, уж это мое дело.

Миша. Да что вы нашли во мне военного? и фигура моя совершенно не военная. Подумайте, матушка, право, вы меня изумили этакими словами совершенно, так что я, я, я просто не знаю, что и подумать: я, слава богу, и толстенок немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками, – совестно даже будет смотреть.

Марья Александровна. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, так что ничего не будет заметно. При этом это и лучше, что ты немножко толст – скорее пойдет производство: им же будет совестно, что у них в полку такой толстый прапорщик.

Миша. Но, матушка, ведь мне год, всего год осталось до коллежского асессора. Я уже два года, как в чине титулярного советника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум бог знает что. Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку, просто, не могу и смотреть теперь.

Миша. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще в школе звали хомяком. В военной службе всё же нужно, чтобы и на лошади лихо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

Марья Александровна. Приобретешь, всё приобретешь. Я хочу, чтобы ты непременно служил; на это есть очень, важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, уж причина важная.

Миша. Всё же таки скажите, какая причина?

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дни у Рогожинских говорит, и нарочно так, чтобы я слышала. А я сию третьего, передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы ты думал эта негодная осмелилась говорить?.. Я, право, так и хотела встать с места и, если б не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сделала. Гово-

рит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских. Это такие все», говорит, «*mauvais genre*¹, чем-то неблагородным от них отзывается. Я рада», говорит, «что мой Алексис не носит этого скверного фрака». – И всё это произнесла с таким жеманством, с таким тоном... так право... я не знаю, что бы я сделала с нею. А ее сын просто дурак набитый: только всего и умеет, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Как, матушка, так в этом вся причина?

Марья Александровна. Да, я хочу на зло, чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был бы на всех придворных балах.

Миша. Помилуйте, матушка, из того только, что она дура...

Марья Александровна. Нет, уж я решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится.

Миша. Однако ж...

Марья Александровна. О! я ей покажу! Уж как она хочет, я употреблю все старанья, и мой сын будет тоже в гвардии. Уж хоть чрез это и потеряет, а уж непременно будет. Чтобы я позволила всякой мерзавке дуться передо мною и подымать и без того курносый нос свой! Нет уж, вот этого-то никогда не будет! Уж как вы себе хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да разве этим ей досадите?

Марья Александровна. О! уж этого-то не позволю!

Миша. Если вы это требуете, маменька, я перейду в военную; только, право, мне самому будет смешно, когда увижу себя в мундире.

Марья Александровна. Уж, по крайней мере, гораздо благороднее этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За одним разом и переменить службу и женить?

Марья Александровна. Что же? Как будто нельзя и переменить службу и женить?

Миша. Да ведь я и намеренья еще не имел. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на ком. Этой женитьбой доставишь ты себе счастье и в службе и в семейственной жизни. Словом, я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой.

Миша. Да ведь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна. Совсе не первоклассная, а такая же, как и все другие. Прекрасная девушка, вот только что памяти нет; иной раз забывается, скажет невпопад; но это от рассеянности, а уж зато совсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумает.

Миша. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дело сердечное, нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, так! я вот как будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебе это не пристало, не пристало, я тебе двадцать раз уже говорила. Другому еще это идет как-то, а тебе совсем не идет.

Миша. Ах, маменька, но когда и в чем я был не послушен вам?² Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем. Вы мне велите ехать туды, куды бы мне

---

¹ Люди «дурного тона».

² *Вместо:* Ах, маменька, но когда и в чем я был не послушен вам? *в рукописи было:* Ах, маменька, сколько я вас просил, не повторяйте этого слова. Вы не поверите, как оно мне противно и пошло, какое глупое ложное значение придали ему у нас. Не будьте похожи на тех старичков, которые имеют обычаи колоть этим словом в глаза всех, не рассмотревши хорошенько ни человека, ни слова, которым его колют. Что осталось о пятидесяти каких-нибудь пустых головах, воспитанных на французскую ногу, они ухватились за это предание и давай придавать его ко всякому, честить им встречного и поперечного. У кого, заметят они, только немного сшито не так платье, как у другого, как-нибудь иначе прическа, словом что-нибудь не то, что у других, они тотчас: «Либерал, либерал! революционер! Вон у него фалды фрака не так, как у прочих! платок не так завязан! не так волосы носит!» Вы не поверите, как у меня всякий раз взрывается сердце, когда я услышу это! Как мало им ведомо сердце русского человека и твердые черты его характера! Как не знают они того, что если и увлекается он, то увлекается силою

смерть не хотелось ехать – и я еду, не показывая даже и вида, что мне это тяжело. Вы мне приказываете потереться в передней такого-то – и я трусю в передней такого-то, хоть мне это вовсе не по сердцу. Вы мне велите танцевать на балах – и я танцую, хоть все надо мною смеются и над моей фигурой. Вы, наконец, велите мне переменить службу – и я переменяю службу, в тридцать лет иду в юнкера; в тридцать лет я перерождаюсь в ребенка, в угодность вам, и при всем том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством. Не пройдет минуты, чтобы вы меня не назвали либералом. Послушайте, матушка, это больно, клянусь вам, это больно. Я достоин за мою искреннюю любовь и привязанность к вам лучшей участи...

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либерал, и знаю даже, кто тебе всё это внушает: всё этот скверный Собачкин.

душевных прекрасных побуждений, а не оторванной от всего мыслью, создавшейся в легкой голове какого-нибудь француза. И этот русский человек, в груди которого таится самобытное, слитое с самой его природой чувство, чувство непостижимой любви к царю, – чувство, из-за которого он пожертвует всем, понесет свое имущество, жизнь безмолвно, не крича об этом вперед, не хвастаясь и не хвалясь этим, – и этот русский укоряется этим пошлым словом, которое без различия дается также и первому встречному сорванцу и бродяге. Нет, маменька, употребляйте все прочие слова, и не употребляйте этого истасканного и пошлого слова! Вы рассмотрите, когда и в чем я был не послушен вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.